

ЮРИЙ ЛЕВАДА

ИЩЕМ ЧЕЛОВЕКА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ. 2000–2005

НОВОЕ
издательство

НОВАЯ
ИСТОРИЯ

Юрий Александрович Левада

Ищем человека: Социологические очерки. 2000–2005

ABBYY FineReader 11

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3086445

*Ищем человека: Социологические очерки, 2000-2005: Новое
издательство; 2006
ISBN 5-98379-070-6*

Аннотация

В книге крупнейшего российского социолога Юрия Левады собраны его работы последних лет, посвященные динамике общественного мнения по наиболее острым вопросам экономического, политического, социального и культурного развития страны, меняющимся и устойчивым характеристикам «человека советского», аналитическим возможностям и границам социологического подхода. Статьи основаны на материалах регулярных массовых опросов Левада-центра (в 1988–2003 годах – ВЦИОМ) и в совокупности представляют систематическую картину российского общества постсоветской эпохи.

Содержание

От автора	5
I	7
Общественное мнение у горизонта столетий	7
Смена века! событие или дата?	7
XX век— первый массовый	10
Давление «середины»	18
Химеры модернизации	22
Советский опыт массовой мобилизации	23
Век общественного мнения	26
Два типа общественного мнения в XX веке	27
«Массовый разум» и «массовый человек»	34
Рамки массовых ожиданий	36
Три «поколения перестройки»	40
«Возрасты перелома»	40
Память и забвение	45
Два «разочарованных» поколения	47
Имена и символы: связка «Горбачев — Сахаров»	53
Поколения XX века: возможности исследования	57
Поколенческий ряд XX века	60
Показатели положения и позиций «поколенческих» групп	64

Социальные установки «поколенческих» групп	66
Динамика «крайних» партийных ориентаций	71
«Переломные» поколения	73
«Закрытые» и «открытые» поколенческие группы	76
Поколения перемен и поколения стабилизации	78
Заметки о «проблеме поколений»	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Юрий Левада

Ищем человека

От автора

В этой книге собраны статьи, публиковавшиеся в журнале «Мониторинг общественного мнения» (с сентября 2003 года выходит под названием «Вестник общественного мнения») в 2000–2005 годах.

Статьи предыдущих лет составили аналогичную книгу, изданную ранее¹.

Все статьи основаны на регулярных исследованиях коллектива Левада-центра (до сентября 2003 года – ВЦИОМ), все представленные в них соображения многократно обсуждались на семинарах, конференциях, в ходе постоянного творческого общения с коллегами по Центру. И все-таки, конечно, за предложенные читателю анализ и выводы ответственность несет только автор.

Многие статьи, вошедшие в книгу, непосредственно связаны с исследовательской программой «Советский человек», над которой мы с коллегами работаем с 1989 года. В более широком плане практически все проводимые нами

¹ Левада Ю. От мнений к пониманию: Социологические очерки, 1994–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

исследования общественного мнения означают постоянный напряженный коллективный поиск понимания действий и настроений «массового» человека в различных его измерениях. Это оправдывает смысл названия настоящей книги – «Ищем человека».

Должен высказать особую признательность Б. Дубину за большое участие в подготовке материала книги к изданию.

I

Динамика общества – динамика мнений

Общественное мнение у горизонта столетий

Смена века! событие или дата?

Горизонт, как известно, – понятие сугубо условное и субъективное.

В каждый данный момент он определяется позицией наблюдателя, его положением над уровнем моря; видимое до этой границы зависит от наличных средств и опыта наблюдения. Это относится и к горизонту времени, особенно в том случае, когда перед нами, как сейчас, самый крупный из доступных простому глазу, вековой, рубеж. (Два-три поколения, которые вписываются в столетие, могут быть предметом живой памяти, тогда как одновременно отмечаемый рубеж миллениума – всего лишь предмет хронологических спекуляций.) Несомненно, реальна мера человеческого или соци-

ального действия, смены поколений, политических эпох или пиков популярности; каждый такой отрезок времени, измеряемый годами или месяцами, обладает собственными ритмом и структурой, у них «свой век». Век как столетие кажется совершенно искусственной, навязанной извне мерой, которая не имеет никакого отношения к реальным процессам. Но в любых реально происходящих социальных процессах принимают участие внимание, воображение и воля людей. Одна из их функций – задавать структуру времени, не только занятого конкретными делами и планами, но и «пустого». В «вековом» случае структурообразующими служат воображение, ожидание и пр. – не столько практического, сколько идеологического (социально-мифологического) порядка. В человеческом (социальном, массовом) восприятии именно мифологизированные события, именуемые «историческими» (победы, катастрофы, прорывы, интриги, разочарования, жертвы и др.), придают смысл потоку событий.

Смена века представляется сменой такой рамки – или даже самого типа рамки. Притом по-разному заметной. Грань XVIII–XIX веков определили, а отчасти и смазали, революционные перевороты во Франции (и менее заметный – в Северной Америке), наполеоновские войны и сама фигура парвеню-завоевателя. Переход от XIX века к XX в Европе ожидался в атмосфере напряженности и некоторой фантастичности: за порогом «века прогресса», каким он (XIX) казался, видели одновременно и катастрофу традиционных

ценностей (нравственности, красоты, религии, социального порядка), и осуществление утопий, социальных и технических. Вот как описывал Р. Музиль эту «иллюзию, нашедшую свое воплощение в магической дате смены столетий»: «Из масляногладкого духа двух последних десятилетий XIX века во всей Европе вспыхнула вдруг какая-то окрыляющая лихорадка. <...> Любили сверхчеловека и любили недочеловека. <...> Мечтали о старых аллеях замков, осенних садах, стеклянных прудах, но и о прериях, широких горизонтах, кузницах и прокатных станах, голых борцах, восстаниях трудящихся рабов, первобытной половой любви и разрушении общества. <...> Это были, конечно, противоречия и весьма разные боевые кличи, но у них было общее дыхание <...>»².

На деле же начало того века обозначили куда более прозаично и страшно даты Первой мировой войны (в России – с «опережающим опозданием» — 1905 год).

Конец XX, на людской памяти, самого катастрофического столетия, обозначат, должно быть, позже: то ли падением коммунистической системы, то ли объединением Европы. Но смена веков не кажется катастрофой – может быть, потому, что все катастрофы уже произошли? (на момент написания этой статьи дои сентября оставалось еще несколько месяцев) – скорее, она воспринимается как карнавально-фестивальное событие.

Впервые к определению смены веков допущено обще-

² *Музиль Р.* Человек без свойств. М., 1984. Т. 1. С. 80.

ственное мнение. Но прежде всего не как «эксперт», а как участник, действующее начало процесса.

В экспертном же качестве, т. е. в роли «понимающей стороны», интерпретатора, ценителя событий векового масштаба, общественное мнение весьма ограничено в своих возможностях. Оно неизбежно оказывается близоруким, поскольку, как правило, принимает «злобу» последних лет или месяцев за событие века, пристрастно оперирует заданным набором стереотипов, так как находится под влиянием текущих настроений, и т. д. Но именно эти характеристики общественного мнения представляют важный предмет исследовательского интереса.

XX век – первый массовый

Очевидно, что уже по масштабам массового участия в социально значимых акциях и процессах уходящее столетие несравнимо ни с одним из предшествующих. Тотальные войны, многомиллионные армии, всеобщие мобилизации, жертвы войн и геноцида, технические и социально-организационные средства массового уничтожения, массовое стандартизированное производство, ориентированное на массовое потребление, всеобщая грамотность («бумажная», потом и «электронная»), всеохватывающая аудитория СМИ, всеобщие выборы и референдумы, всеобщая вакцинация, массовая культура и т. д. Дело не просто в количественных пара-

метрах таких процессов. Более существенно то, что в каждом из них люди оказываются предельно обезличенной, как бы гомогенизированной массой пассивных участников, зрителей и жертв (эти позиции нередко сочетаются). Социальная иерархия, профессиональные и другие рамки не утраиваются, соответствующие разделения даже становятся глубже, но они могут действовать только через массовые процессы, как необходимое дополнение к ним. А также как условие воздействия (влияния и манипулирования) на такие процессы.

Накануне и в начале XX века широкое распространение имели настроения панического испуга перед «восстанием масс» (Х. Ортега-и-Гассет), пришествием «грядущего Хама» (Д. Мережковский), а с другой стороны – надежды на «трудящиеся массы», на тех, которым «нечего терять, кроме своих цепей». В социально-психологической литературе массы иногда уподобляют толпе, описанной в XIX веке Г. Ле Боном или Г. Тардом³. Сейчас можно сказать, что ни эти опасения, ни эти надежды не оправдались. В исключительных, предельных ситуациях массы могут выступать как толпа, управляемая как будто лишь собственными групповыми эмоциями (где-нибудь в Уганде, на палестино-израильской границе). Однако практически все массовые процессы, характерные для XX века, оказались управляемыми – и через социальные организации, и через специфические сред-

³ См.: *Московичи С.* Век толп. М., 1996.

ства массового воздействия (массовой пропаганды и рекламы, осуществляемых с помощью массмедиа). При ближайшем рассмотрении действия современных «толп» оказываются в зависимости от идеологических и психологических установок систем массового воздействия.

Специфическая особенность управления массовыми процессами – в том, что их объектом служит не отдельный человек, а статистическая совокупность. Нельзя повлиять на политическое или потребительское поведение отдельного человека (как нельзя и предсказать его), но можно с достаточно большой эффективностью воздействовать на поведение многих тысяч и миллионов людей (равно как изучать и предсказывать его с помощью выборочных опросов).

Средоточием управления массовыми процессами выступили государства, их промышленные, военные, политические и другие организации. В XX веке во всем мире происходило не «отмирание», а всестороннее укрепление государственных организаций с их специфическими институтами, бюрократией и т. д. Причем консолидация наций в государства и выяснение отношений (границ и сфер влияния) определили содержание всех основных политических процессов столетия – войн, соглашений, деколонизации, формирования надгосударственных и межгосударственных институтов и пр. Иллюзорными оказались представления о «борьбе классов» как главной движущей силе истории, а также лозунги наподобие «уничтожения эксплуататорских классов и

классов вообще». Классы как социально-профессиональные группы не исчезли, но отношения между ними развивались в национально-государственных рамках и преимущественно в относительно мирных формах.

Если XVII век считался «веком разума», XVIII – веком Просвещения, а XIX – веком Прогресса, то XX был по преимуществу «веком наций» (причем этот последний символ явно лишен позитивно-ценностной окраски). Две мировых войны и все процессы национального самоутверждения на периферии Европы и в постколониальном мире проходили под этим знаком. В XIX веке катаклизмы кровавых войн, переворотов, восстаний, колониальных экспедиций и пр. могли «списываться» (задним числом) как условия или теневые стороны всепобеждающего «прогресса». В веке XX таких универсальных оправданий не существовало. Эксцессы социальных утопий (которые были сочинены под знаменами того же прогресса в XIX веке, но реализовывались в XX) могут иметь свои объяснения, но не оправдания.

В XX веке потерпели крушение все грандиозные социальные конструкции, предполагавшие, как казалось их разработчикам, некий план рациональной, оптимальной, справедливой организации, который должен быть навязан обществу. Это относится не только к двум экстремальным (по способам осуществления) проектам – коммунистическому и фашистскому, но и к целому ряду промежуточных или переходных форм, характерных для «третьегомировского» развития.

Соответственно исчерпала себя и утратила смысл характерная для утопических идеологий мифологизация социальных процессов и конфликтов. Остаются конфликты крупных или мелких сил, интересов, амбиций и пр., но попытка представить их в мифологическом обличье («мировое добро» против «мирового зла» или что-нибудь в этом роде) бесперспективна.

Играя парадоксами, О. Уайльд утверждал более ста лет назад, что существуют только две трагедии: первая, когда человеческие желания не исполняются, а вторая, когда они исполняются, и только вторая трагедия – настоящая. XX век показал, каким кошмаром оказывается осуществление «снов золотых», навешанных человечеству столетием ранее.

В данном случае важно отметить наличие массовой «компоненты» во всех процессах, событиях, катаклизмах уходящего столетия.

Догмой государственной жизни XX века во всех странах (за малым исключением) стало то всеобщее, равное, прямое избирательное право, которого долго опасались как либеральные политики, так и радикальные революционеры, называвшие себя «пролетарскими»: и те и другие считали, что голос темных, неискушенных в политике и поддающихся давлению масс исказит расклад общественных сил и мешает осуществлению рациональных программ. Сейчас это право повсеместно служит основой выборов, плебисцитов, референдумов – как демократических, так и управляемых.

Всеобщие голосования перестали быть опасными с тех пор, как ими научились манипулировать. В отечественной истории первые всеобщие и альтернативные выборы (в Учредительное собрание 1917 года) оказались опасными для власти, следующие, уже безальтернативные (в Верховный Совет СССР в 1937 году), стали средством ее демонстративной массовой поддержки.

Всеобщие альтернативные выборы, особенно если они происходят на дуалистической основе, придают государственно-политическое значение соотношению большинства и меньшинства. А точнее, тем нескольким процентам колеблющихся избирателей, от которых зависит баланс голосов или мнений. Коллизии вокруг этой «решающей середины» разворачивались в последнее время – в разных условиях – на выборах в Югославии и США. Это показывает, что сам механизм массового выбора далеко не безупречен.

Диктаторские режимы в XX веке – это режимы насилия над массами с помощью организованных масс (массовых партий, движений, систем массовой поддержки). А сами диктаторы выступают как лидеры, вознесенные и возлюбленные массами, одновременно помыкающие ими и нуждающиеся в их поддержке. Подобных функций лидеры XIX века (наполеоны и наполеончики) не знали.

Массовый век существенно изменил способы деятельности политических и других социальных элит. Появилась публичная элита (масс-коммуникативная).

В XIX веке определились роли парламентских и правительственных лидеров, в XX – массовых политических кумиров, представленных через СМИ, особенно через телевидение (теледебаты, интервью, а также «нечаянное» попадание в кадр как важнейшее средство утверждения политического деятеля массового типа. Отсюда и страх перед «экранной» критикой, столь явно присутствующий в российской политической жизни с 2000 года).

Характерный для XX века образец организации масс был задан прежде всего новым типом войн – двумя мировыми войнами и их дополнениями (к числу последних относятся, несомненно, гражданские войны в России и Китае). Это тип «тотальной» войны, охватывающей своим воздействием в принципе все население и все сферы жизни общества: всеобщая военная мобилизация дополнялась экономической, политической и идеологической, выражаемой, в частности, в мобилизации общественного мнения.

Другой узел массовых процессов, характерных для уходящего века, – массовое производство с его обновляющимися технологиями. Созданная им (в развитых странах) возможность реально решать проблемы нищеты и голода не путем «дележа», а путем умножения социальных благ нанесла решающий удар эгалитаристским устремлениям и смогла превратить социалистические иллюзии в реальность социальных программ и гарантий.

В XX веке впервые в производственную и – шире – «вне-

домашнюю» деятельность включилось большинство женщин, что изменило функции семьи, брака, воспитания детей.

Необходимое дополнение и одновременно предпосылка массового производства – система массового потребления, ставшая реальностью в этом столетии. Она означает не только возможность всеобщего удовлетворения определенного уровня запросов в отношении питания, одежды, жилища, транспорта и пр., но и возможность потребительского выбора.

И наконец, итоговый, наиболее очевидный и быстро развивающийся феномен массового века – системы массовой информации, увенчанные Интернетом, позволяющие связать воедино всю планету и оказывать сильнейшее воздействие на поведение человека.

Вероятно, оправданно считать XX век самым противоречивым; все новые его феномены неоднозначны по своему воздействию. Век, сформировавший предпосылки для всеобщего благополучия, в то же время создал средства всеобщего уничтожения, притом не только технические, но социальные. Все вместе взятые гуманитарные идеи и начинания уступают по силе воздействия тому заряду взаимного отчуждения, страха и ненависти, который был накоплен конфликтами этого столетия.

Таблица 1.

«Какое определение кажется Вам наиболее подхо-

дядим для общей характеристики XX века?»

(Август 1999 года, N=1600 человек, % от числа опрошенных, здесь и далее ответы ранжированы по частоте упоминаний)

(Август 1999 года, N= 1600 человек, % от числа опрошенных, здесь и далее ответы ранжированы по частоте упоминаний)

век войн	32
век разрушения окружающей среды	25
век природных катаклизмов, катастроф	20
век научных открытий и прогресса	22
век жестокости и террора	19
век космических исследований	18
век создания оружия массового уничтожения	15
век разведения народов и стран	14
век массовой информации	13
век фашизма и национализма	9
век крушения идей социализма	9
век больших возможностей для большинства людей	5
век объединения людей	4
век демократических преобразований	4
век создания основы для материального благополучия людей	3
век создания мировой системы социализма	2

Давление «середины»

Выделим лишь два наиболее характерных узла коллизий, порожденных появлением масс и массовых процессов на авансцене общественной жизни. Один из них связан с давлением «средних» массовых критериев на различные формы политической, социальной, культурной и другой деятельности, которое создает угрозу подмены «серьезной» политики примитивным популизмом, «высокого» искусства – массовым и т. д. Второй – с конфликтами так называемой (и называемой неудачно) «запаздывающей» модернизации. Обе угрозы достаточно серьезны.

Конечно, массовая аудитория политики или культуры

неизбежно питает «свой», доступный ей (и потому воздействующий на нее) уровень политических акций или обещаний, поп-культуры, поп-литературы и т. п. Сам по себе этот уровень ниже, примитивнее по сравнению с аналогичными формами, адресованными элитарным или сословным группам специфически (т. е. в данной области) грамотных людей.

В массовом веке неизбежно появляются фигуры, которые действуют на примитивно-массовом уровне, связывают с ним свой успех, карьеру. Вопрос в том, насколько самодостаточными являются «массовые» формы, насколько они могут влиять на «высшие», профессиональные уровни (а отнюдь не на искусственно конструированный «средний балл»). В «нормальных» условиях массовые формы деятельности занимают свои ниши, но никак не воздействуют на высшие, профессиональные уровни⁴.

Для пояснения возьмем сопоставление «высокой» и популярной науки. Понятно, что школьная, газетная, телевизионная грамотность приводят к небывалому распространению именно упрощенных, вульгаризованных представлений о различных научных феноменах. Воображаемый «средний балл» научных знаний оказывается существенно ниже, чем в те времена, когда монополией на знание обладали специалисты высокого класса, но такое сравнение не имеет никакого смысла. «Высокая», профессиональная наука не страдает от

⁴ См.: *Дубин Б.* Группы, институты и массы // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 4.

популярной, потому что имеет свою институциональную базу, кадры, традиции, технологические связи и т. д. Распространить подобную модель на культуру и политику нельзя. Массовая культура, как и массовая политика, – это не упрощенный вариант соответствующих «больших» феноменов. Массовая литература – не школьный пересказ Л. Толстого, а особый социокультурный институт со своей аудиторией, своими творцами, своей системой критериев и т. д. Аналогичным образом массовая политика в XX веке – не популярно-пропагандистское изложение правительственных решений и дипломатических уверток, а особая система социальных ролей, установок, способов участия, рассчитанных на формирование и использование определенных массовых интересов, оценок, страстей. Всего этого просто не существовало столетием ранее.

Социальные, национальные, национально-религиозные, индипендентские, синдикалистские, сектантские, мессианистские, феминистские, экологические и другие движения со своими лидерами, доктринами, фанатичными и скептическими последователями – специфический феномен массового века. Одна из новых ролей в этом круговороте – массовый политик, ориентированный не на сложившуюся институциональную систему, а на внимание массовой аудитории (активных и «зрительских» участников соответствующего действия). Другая роль – это собственно роль массового участника, зрителя, слушателя. Дополняют систему разнообраз-

ные посредники, медиаторы, интерпретаторы, в том числе масскоммуникативные.

Таблица 2.

«Какие из перемен в образе жизни людей кажутся Вам наиболее важными?»

(Август 1999 года, N=1600 человек, % от числа опрошенных)

(Август 1999 года, N=1600 человек, % от числа опрошенных)

распространение бесплатного здравоохранения	42
распространение бесплатного образования	41
развитие средств массовой информации	28
техническая оснащенность быта, бытовая техника	27
достижение в большинстве стран всеобщей грамотности	27
всеобщая вакцинация населения, победа над эпидемиями	24
распространение систем социального обеспечения для престарелых и инвалидов	20
достижение равноправия женщин	20
сокращение рабочей недели, оплачиваемые отпуска	20
свобода перемещений по всему миру	18
массовое производство одежды, обуви, товаров народного потребления	14
самостоятельность молодежи, развитие молодежной культуры	13
увеличение продолжительности жизни	11
ускорение темпов жизни	10
формирование «среднего класса»	10
переселение населения из сельской местности в города	8
сокращение рождаемости	7
распространение противозачаточных средств, планирование семьи	7
распространение наднациональной массовой культуры	6
широкое распространение межнациональных браков	5
смягчение наказаний, сокращение использования смертной казни	5
признание прав сексуальных меньшинств	5
распространение разводов	3

Системы массовой коммуникации создают собственную аудиторию и возможности манипулирования ею. Но в разных общественных условиях эта аудитория имеет свои особенности. Различны также возможности и само содержание тех приемов, которые принято именовать манипулированием. Ведь любое воздействие на массовое сознание и поведение (если оставить в стороне пугающие фантазии на психо-

тропные темы) происходит только через собственные структуры такого сознания, т. е. через установки, ориентации, механизмы социальной мобилизации и пр.

Химеры модернизации

Более или менее всеобщим девизом века может быть «модернизация», поскольку этот девиз означает лишь общее направление, но не общую программу, не «проект», не современный вариант всеоправдывающего прогресса. Основным содержанием событий XX века явились скорее катаклизмы и коллизии, связанные с противоречиями модернизационных процессов, «запаздывающей» модернизацией, особенностями модернизационных процессов, развивающихся на разных социокультурных уровнях.

Главные конструктивные элементы, «клетки» модернизационных процессов – технических, экономических, социальных, коммуникативных, ценностных и т. д. – видимо, аналогичны в любых условиях, но их сочетания могут сильно разниться, как и количество самих «клеток», используемых в отдельном наборе. Самые прогрессивные технологии могут использоваться, скажем, для укрепления деспотизма традиционного или «революционного» типа, масскоммуникативные системы воздействия – для агрессивного изоляционизма, современное оружие – для архаических обществ. Подобным образом совершенные социальные программы мо-

гут оказаться тормозом экономической активности, а глобализация вступать в непримиримые противоречия с интересами локальных производителей. Все это, разумеется, не случайные сочетания разнородных элементов, а неизбежный результат взаимодействия социальных субъектов, каждый из которых стремится взять из всего набора «клеток» нечто полезное для себя и заблокировать то, что считается вредным или опасным. Подобный отбор происходит и на международных уровнях, и внутри отдельных стран, обществ, между различными группами или слоями.

Отсюда и такая «безумная» (а в реальности обладающая своей логикой) картина всемирной интеграции на одном уровне – и противостоящих ей процессов локального, этнического, национально-государственного, группового и даже индивидуального самоутверждения.

Советский опыт массовой мобилизации

Советская система выработала устойчивые образцы массовой организации, массовой мобилизации, массового пропагандистского воздействия в интересах жестко диктаторского режима. В этом плане советское общество послужило своего рода экспериментальной лабораторией, результаты деятельности которой получили широкое распространение – от нацистского рейха до «третьемирских» «освободительных» диктатур, не говоря уже о структурно близких режимах

«соцлагеря». Отметим некоторые черты этого образца.

Массовые организации (от партийной до, скажем, писательской) как средство управления массами.

Система массового информационного давления через монопольные СМИ (газеты, радио, кино плюс литература, музыка, театр «направленного» действия).

Регулярные пароксизмы массовой ненависти и принудительного массового энтузиазма. Поддержание мобилизационной ситуации требовало постоянного напряжения «борьбы» против внутренних и внешних врагов. Как «всенародной», так и с главными (назначенными таковыми) противниками режима. В каждой области, в каждой сфере деятельности, в каждой научной дисциплине назначались «свои» уклонисты, извратители и т. д., разоблачение, осуждение, изгнание которых служило средством проверки кадров на «преданность» линии руководства.

Создание культа «образцовых героев» в разных сферах при полнейшем пренебрежении к реальным людям (в польском варианте эта черта представлена в «Человеке из мрамора» А. Вайды).

Непременный образ абсолютно непогрешимого руководящего центра («великого вождя», «мудрой партии», «всепобеждающего учения»).

Никакого массового участия в управлении государством не существовало. Была отработанная и принятая обществом маска массовости, народности, позволявшая правящей вер-

хушке говорить от имени «интересов народа». И, что особо важно, массы, воспитанные в обстановке абсолютной безальтернативности, с готовностью принимали эту мифологию и были готовы демонстрировать преданность вождю и партии, когда от них это требовали: во время ритуальных выборов, торжественных демонстраций и всенародного проклинания «врагов народа» или «поджигателей войны».

Неточно было бы характеризовать режим советского типа как популистский. Демонстративное обращение к «народу», постоянные ссылки на действия «от имени народа», регулярное натравливание полуграмотных низов на «премудрых и заумных» («антинародное» творчество и т. п.) не являются популизмом, во всяком случае, в его западном, латиноамериканском и других вариантах. Популистские политики зависят от массовых настроений, от массовой поддержки, гонятся за ней, опасаются ее потерять. Советское руководство никогда от массовых настроений не зависело, а механизм всеобщего голосования решилось использовать лишь тогда, когда было уверено во всеобщем единогласии (или безгласии).

Советская система, стабилизировавшись после гражданской войны, не испытывала никакого страха перед массовым недовольством. Искусственно создаваемая атмосфера страха перед «врагами» нужна была как средство насаждения массового доносительства и страха оказаться жертвой карательных «органов».

В этом режиме не было «диктатуры большинства» над меньшинством (которая провозглашалась декларациями революционного периода), поскольку не допускалось существования какого бы то ни было меньшинства. Была ничем не ограниченная власть правящей иерархии над «всеми» – распыленными и беспомощными единицами.

Советское общество – одна из химер модернизации XX века. Оно испытало все рычаги массового принуждения, не пройдя периода, который У. Ростоу назвал «массовым потреблением».

Правда, зона направленного влияния советской системы на массовое сознание (поддержание соответствующих стереотипов страха, ненависти и пр.) ограничивалась преимущественно активной, организованной частью городского населения. Далее начиналась зона простого принуждения (налоги, хлебосдача), подкреплённая карательными мерами.

Век общественного мнения

Только в XX веке общественное мнение было признано и как фактор общественной жизни, и как предмет специального изучения. Об общественном мнении философы и публицисты говорили с XVIII века, имея при этом в виду мнение света, образованной публики, политизированной элиты. В XX веке действует массовое, «всеобщее» общественное мнение в современном его понимании, явленное в массовом

поведении (голосованиях, потреблении), массовых вкусах и массовых опросах, дополненных другими видами исследований.

XX век – век всеобщих выборов, плебисцитов, референдумов, массовой рекламы, «хитов» эстрады и политики. К общественному мнению апеллируют дизайнеры и парламентарии, поп-музыканты и авторитарные правители. Апеллируют по-разному, но дело не только в этом: при ближайшем рассмотрении предметом их обращения являются существенно разные феномены.

Два типа общественного мнения в XX веке

В профессиональных исследованиях последних десятилетий, со времен Дж. Гэллапа и других прославленных пионеров изучения общественного мнения, предметом служат различные позиции в условиях официально признанного плюрализма предпочтений различных общественных групп. Только в таких условиях разнообразные мнения могут быть организованы, имеют своих выразителей, открыто конкурируют друг с другом и т. д. В закрытых обществах типа советского и немецкого 30-х годов, нынешнего иракского или северокорейского подобных условий нет (по другим причинам там обычно отсутствует и массовый потребительский выбор). Из этого нередко делают вывод о том, что в таких об-

щества просто «нет никакого общественного мнения». Такой вывод, как представляется сейчас, слишком упрощает ситуацию и саму динамику общественного мнения.

Повод для уточнения определений – видимые трансформации общественной атмосферы в разных странах. В Веймарской Германии 20-х годов несомненно существовали признанный плюрализм и конкуренция мнений, в 30-х годах они сменились агрессивным единодушием, в конце 40-х ситуация плюрализма (и изучения) общественного мнения была восстановлена. Позже прошли аналогичную трансформацию Польша, Чехия и другие страны; отход от монолитной модели общественного мнения наблюдается в Югославии. Трансформации общественного мнения в нашем обществе сложнее – от зачаточного плюрализма к «монолиту» советского периода, затем к формированию политического плюрализма. В последнее время наблюдаются признаки его вырождения и тенденции (пока еще только тенденции) возвращения к монолитной модели – как известно, фантастические версии трансформации общества в этом направлении описаны в ряде антиутопий, в том числе в «1984» Дж. Оруэлла. Разумеется, большой интерес представляют варианты формирования общественного мнения в странах, до недавнего времени относимых к третьему миру.

Это заставляет пристальнее рассмотреть особенности двух принципиальных моделей современного общественно-го мнения и условий их взаимных трансформаций.

«Классическая», т. е. служащая стандартным предметом исследования, – это, как уже отмечено, модель открытого, конкурентного общественного мнения, в котором соперничают различные позиции.

Основная (бросающаяся в глаза?) особенность структуры такой модели – наличие возможностей публичного выражения (прежде всего через СМИ) и тем самым организации плюрализма мнений. Различие позиций не формируется само собой в «толще» общественного мнения, а предъявляется лидерами мнений, партиями, движениями и т. д. через масскоммуникативные и другие (межличностные, межгрупповые) каналы. Общественное мнение плюралистично, если (и поскольку) ему предлагаются варианты действий, программ, лидеров, стилей руководства, которые становятся для него необходимыми.

По характеру действия открытая, конкурентная модель общественного мнения близка к модели массового потребительского выбора. Для этого необходимы соответствующие условия: достаточно широкое предложение товаров или услуг, возможность сравнить потребительские качества с ценой предлагаемых благ и пр. (в отличие от избирателя потребитель может непосредственно знакомиться с качеством предлагаемых благ и сам за них платить; избирателям приходится строить свой выбор на доверии к лидерам, посредникам, партиям, а проблема выигрыша и цены может решаться только в перспективе, и то косвенным образом).

Конкурентное общественное мнение неизбежно должно быть в определенной мере толерантным по отношению к точкам зрения оппонентов.

Монолитное, закрытое общественное мнение имеет существенно иную структуру. В нем имеется место только для одной, заведомо истинной позиции, носителем которой выступает единственно возможная «осевая» система лидера – партии – идеологии. Любое отклонение от позиции, представленной массам в качестве единственно правильной, расценивается как враждебное. Поэтому проводящиеся выборы на деле заменяются плебисцитом, т. е. выражением доверия к одной, уже утвердившейся позиции.

Условиями монолитного единомыслия, как правило, являются политическая мобилизованность общества, психологически агрессивная общественная атмосфера, крайняя нетерпимость к инакомыслию и расколу в собственных рядах, к любым «чужим», в том числе иностранцам, инородцам. Психологическая агрессивность может сопрягаться и с ситуацией изоляционизма, «осажденной крепости»; свежие примеры – положение С. Хусейна и, до недавнего времени, С. Милошевича. Отечественный опыт не нуждается в напоминании.

Опросы общественного мнения, по крайней мере на политические темы, в закрытых обществах бессмысленны и вредны, поскольку они могут обнаружить опасные очаги или хотя бы случаи «неправильных» мнений. Но о ситуации в та-

ких средах можно судить по иным показателям – тем же массовым (плебисцитарным) голосованиям, массовым выражениям демонстративной поддержки лидеру или ненависти к враждебным силам, отсутствию протестов, характеру политических преследований.

Нельзя объяснить подобные ситуации просто массовым принуждением или обстановкой всеобщего устрашения. И наш собственный, и чужой опыт свидетельствуют о значительной роли добровольного массового участия в поддержании атмосферы всеобщего единодушия – единогласия – единомыслия. Стремление «быть как все», более того, готовность упиваться собственным «растворением» в массе – распространенная разновидность социального мазохизма, которая предельно упрощает жизнь, избавляет человека от мук совести, от индивидуальной ответственности, сложности нравственного выбора, превращает его в потенциального добровольно-безответственного соучастника массовых акций, в том числе и массовых преступлений режима. В подобном пароксизме восторженного самоуничтожения не столь важно, на кого переносится ответственность – непосредственно на «всех» («действуй как все»), на непогрешимого харизматического лидера («фюрер думает за тебя») или на некую идеологическую, религиозную структуру. Такого рода «растворенная» сопричастность создает сильнодействующую иллюзию безопасности, как внутренней (от сомнений), так и внешней (от враждебных сил). Более того, малейшая

попытка противостоять всеобщему единодушию, сохраняя какую-то собственную позицию, вызывает спонтанное возмущение и яростный – не только по приказу – коллективный отпор: ведь сама возможность отдельного мнения подрывает всю систему коллективной безответственности.

Поэтому столь часто зачаточный, искусственно созданный плюрализм с такой легкостью уступает новому единомыслию. Особенно в условиях социально-политической мобилизации и воинственной напряженности.

Российский «мобилизационный» эксперимент 1999–2000 годов дает поучительный материал для понимания подобной трансформации. Впервые за последнее десятилетие на политической сцене сложилась ситуация фактической безальтернативности, отсутствия соперников у претендента на главную должность в государстве. Впервые была искусственно создана ситуация мобилизационной напряженности как главное условие политической сплоченности и безальтернативного выбора. Впервые избирательная ситуация оказалась предельно технологизированной, цинично свободной от идеологических нагрузок. И наконец, впервые столь крупную роль в поддержке ранее малоизвестного деятеля, не имевшего за спиной ни структурных, ни традиционных опор, сыграла непосредственная апелляция к общественному мнению. Однако в социальной реальности никакой эксперимент не может слишком долго оставаться чистым. По мере того как первоначальные политические эффекты усту-

пают место вынужденным компромиссам, маневрам, самооправданиям, мобилизационная напряженность спадает, изменяется если не масштаб, то значение массовой поддержки избранного лидера. При этом сохраняется ситуация безальтернативности политического поля, дезориентации всего демонстративного политического спектра. Тенденция нового «монолитизма» существует, но, для того чтобы она стала реальностью, требуются существенные изменения в политических и социальных структурах. Существует и возможность формирования реального – хотя бы дуалистического – плюрализма позиций и мнений. Чтобы стало ясно, какая из этих тенденций возобладает, потребуется время: скорее всего, не месяцы, а годы.

Таблица 3.

«Говорят, что люди XX века во многом отличаются от тех, кто жил в XIX веке и раньше. А как Вы думаете, правда ли, что наши современники более...»

(1999 год, N=1600 человек, % от числа опрошенных)

раздражительные	45
образованные	42
умные	31
беснравственные	28
нотерпимые	24
несчастные	21
терпимые	15
невежественные	13
добрые	11
глупые	8
нравственные	7
счастливые	6
спокойные	4

«Массовый разум» и «массовый человек»

В судьбах и трагедиях XX века общественное мнение занимает значительное место – не просто как зеркало, но как организатор, как фактор сплочения человеческих множеств, формирования иллюзий, увлечений, кумиров, оправдания (реже – осуждения) массовых преступлений. Можно полагать, что в понимании событий этого века свое место когда-нибудь займет и *критика массового разума* («критика» в том смысле, который ей придавался в классический период, – как анализ возможностей, пределов, условий существования).

Специфический персонаж, главный герой XX века – *массовый* человек, джинн, выпущенный из бутылки в XX столетии, – оказался не героем, не великаном, не борцом, а «средним» человеком, который значительно повлиял на все процессы и перемены, от производства до войн, от системы цен-

ностей и социальной мифологии до спорта и досуга. Именно этот персонаж является характерным предметом изучения в репрезентативных опросах общественного мнения.

Он – массовый производитель и массовый потребитель все большего количества и разнообразия благ.

Он умеет работать и понимает необходимость работы, но больше ценит досуг, семью, малые бытовые радости жизни.

Он – не герой и – в обычных условиях – не поклонник героев. Он гордится тем, что он обычный, простой человек.

Он не верит в пользу утопий и переворотов, но надеется на постепенное улучшение собственной жизни и жизни своих детей.

Он пошловат, приземлен, узко практичен в своих интересах; его прототип в годы «героических» страданий клеймили как обывателя, мещанина и пр.

Именно он (а не воинственные контрасты или поэтизированные «белые стаи») является главным и эффективным противником бунтов и революций XX века.

Он технически грамотен, освоил бытовую технику, автомобиль, в ближайшие годы стопроцентно освоит компьютер с Интернетом. Он верит в научно-технический и медицинский прогресс, но не ждет от него чудес, меняющих представления о жизни и счастье.

Он практический космополит, способный жить, учиться, работать, отдыхать в любой точке земного шара; что, впрочем, не мешает ему испытывать определенную привязан-

ность к отечеству.

Обычно он не любит деспотов и деспотизма, но в экстраординарных ситуациях может создавать их и становиться их жертвой.

В известном смысле он задает тон, служит образцом для подражания со стороны других. Но не составляет большинства в мире, вызывает ненависть обделенных (или считающих себя таковыми, в том числе и обделенных чувством собственной значимости).

Нет нужды обращаться к глобальной географии, чтобы рассмотреть реальную пестроту маргинальных человеческих типов, пытающихся бросить вызов массовому человеку. Весь этот набор можно встретить в нынешнем, глубоко маргинальном российском обществе.

Рамки массовых ожиданий

Распространенные представления о наступающем столетии, как и следовало ожидать, оказываются довольно примитивными. В них обычно используется один из двух приемов. Либо допускается, что «там», за воображаемой гранью веков, – примерно то же самое, что и здесь (продолжение известного), либо предполагается, что «там» все иначе (отрицание известных порядков, реализация «запредельных» надежд, всеобъемлющая катастрофа или что-то в этом роде). Сейчас явно преобладают ожидания первого, «актуалисти-

ческого» типа. Ждут дальнейших улучшений там, где они наметились, верят в технику и медицину (между прочим, довольно оптимистически смотрят на генную инженерию, вопреки преобладающему тону СМИ), но не в утопии и перевероты.

Таблица 4.

«Как Вы считаете, жизнь в XXI веке будет более напряженной или более спокойной, чем в наши дни?»

(Август 2000 года, N=1600 человек, % от числа опрошенных)

более напряженной	53
более спокойной	17
такой же, как сейчас	13
в чем-то более спокойной, в чем-то более напряженной	7
затрудняюсь ответить	10

Таблица 5.

«Какие проблемы, на Ваш взгляд, наиболее остро будут стоять в XXI веке?»

(Август 2000 года, N=1600 человек, % от числа опрошенных)

	В мире	В России
загрязнение окружающей среды	55	37
распространение СПИДА и других смертоносных эпидемий	36	34
распространение наркомании	23	33
исчерпание природных ресурсов	25	22
международный терроризм	17	16
природные катастрофы и климатические катаклизмы	22	11
падение уровня рождаемости	15	29
нищета и голод в отдельных странах	14	15
глобальный экономический кризис	8	11
локальные вооруженные конфликты	8	14
угроза новых мировых войн	16	8
опасные изменения в генетике человека	10	4
перенаселение	6	1
угроза войны с космическими пришельцами	1	1

Стоит обратить внимание на явное разделение преимущественно «наших» и преимущественно «общих» (точнее, «чужих») проблем. Наркомания, падение рождаемости, экономический кризис, локальные конфликты – то, что беспокоит прежде всего нас; причины не требуют пояснения («глобальный экономический кризис» для нас – это август 1998-го). Загрязнение среды, природные катастрофы, мировые войны, опасность генетических изменений, перенаселение – это, скорее, «их» проблемы. Общими (одинаково важными) остаются СПИД, терроризм, нищета и голод. Довлеет дневи злоба его...

Таблица 6.

«Как Вы думаете, возможно ли в XXI веке...»

(Август 2000 года, N=1600 человек, % от числа опрошенных)

	Обязательно произойдет	Вполне возможно	Мало- вероятно	Совершенно невероятно	Затрудняюсь ответить
объединение всех государств Земли в единый союз	2	21	36	30	11
установление единого языка	1	16	37	36	10
существенное увеличение продолжительности жизни	2	32	39	18	10
распространение генной инженерии	7	49	18	7	19
полная автоматизация производства	8	48	27	7	9
появление колоний землян на Луне и планетах	3	21	32	31	14

Три «поколения перестройки»

Десять лет перемен и потрясений, начавшихся в русле перестройки, по-разному затронули жизнь *трех поколений* бывшего советского общества – 60-, 40– и 20-летних. Оценки этих событий в общественном мнении в большинстве случаев остаются неоднозначными, причем наиболее очевидные «водоразделы» позиций проходят по горизонталям социального времени, т. е. между поколениями. Анализ таких различий представляется полезным для понимания природы и глубины произошедших социальных сдвигов.

Материалом для настоящей статьи служат данные трех близких по времени однотипных (мониторинговых) опросов, проведенных в ноябре 1994 года, январе и марте 1995 года по всероссийской выборке. В соответствии с целями работы используется более детальная, чем обычно, шкала возрастов респондентов – с пятилетними интервалами.

«Возрасты перелома»

Начнем с самых общих оценок. Традиционный мониторинговый вопрос об отношении к суждению «было бы лучше, если бы все оставалось... как до 1985 года» раскалывает массив респондентов примерно в пропорции 1:2 – до 40 и старше 40 лет. С 40-летнего возраста устойчиво и все более

сильно преобладает согласие с тем, что «лучше – до 1985 года».

Вопрос о том, принесло ли *время перестройки* больше хорошего или плохого, выявляет иной расклад мнений по возрасту (рис. i). Во всех возрастных группах преобладают негативные оценки, разница лишь в соотношении: до 25 лет они встречаются примерно в полтора раза чаще, чем позитивные, а в старших по возрасту группах – в два, три, четыре и более раз чаще. Самую суровую характеристику время перестройки получает у лиц в возрасте 65–75 лет (отрицательные мнения встречаются в 10–12 раз чаще).

Рисунок 1.

«Перестройка принесла...»

(Ноябрь 1994 года, N=2957 человек, % от числа опрошенных)

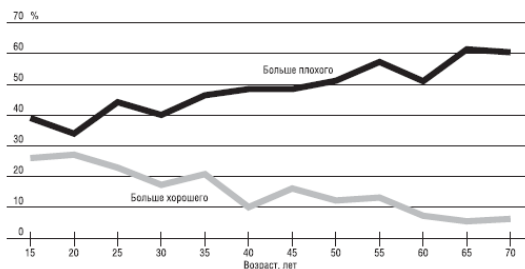
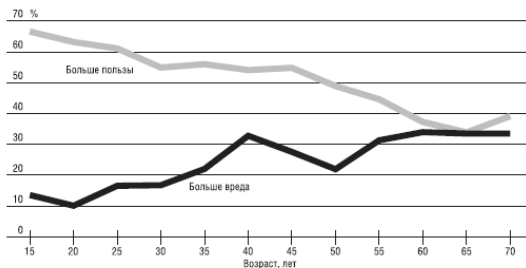

Рисунок 2.

«Свобода слова, печати принесла...»

(Ноябрь 1994 года, N=2957 человек, % от числа опрошенных)

Можно полагать, что в данном случае фактором резкого роста негативных мнений служит само присутствие в тексте вопроса отрицательно окрашенного в общественном мнении термина «перестройка». Это, кстати, дает лишний повод для размышлений о значении провоцирующих терминов. Для аналитической работы, скорее, пригодны ответы на более конкретные вопросы.

Так, например, вопрос об оценке *свободы слова и печати* обнаруживает перелом мнений с 60 лет (рис. 2). До этого возраста заметно преобладают представления о том, что свободы принесли больше пользы, чем вреда; начиная с 60-летних оценки сближаются (правда, преобладание негативных мнений и в старших возрастах невелико).

У респондентов старше 60 лет изменяется и соотношение мнений о *свободе выезда из страны* — начинают преобла-

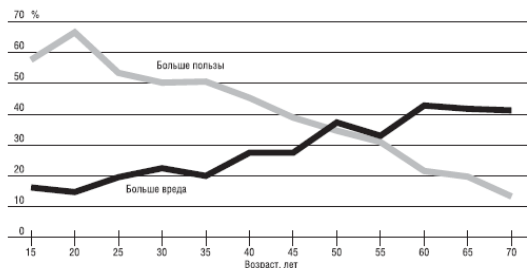
дать отрицательные суждения.

Свобода предпринимательства представляется, скорее, полезной до 50 лет, в более старших группах ее чаще оценивают как вредную (рис. 3).

Рисунок 3.

«Свобода предпринимательства принесла...»

(Ноябрь 1994 года, N=2957 человек, % от числа опрошенных)

Многopартийные выборы чаще оценивают положительно только в возрастном интервале 25–40 лет, а младшие и старшие, скорее, считают, что они принесли больше вреда. Можно предположить, что здесь действуют разные мотивы отрицательных оценок: для более молодых – недовольство неэффективностью работы и консервативным составом депутатского корпуса, для более старших – несогласие с политическим плюрализмом.

Экономические (рыночные) реформы считают необходимым продолжать только те, кто моложе 40 лет. (В 1994 году перелом отношений проходил по рубежу 50 лет.) И опять-таки, начиная с 40 лет преобладают мнения о преимуществах планово-распределительной системы хозяйства над рыночной.

Роль *Горбачева* в мировой истории скорее позитивно оценивают лишь те, кто моложе 25 лет; в старших возрастах преобладают отрицательные оценки. Роль *Сталина* получает преимущественно положительные оценки у 60– и 70-летних.

Впрочем, не все ключевые перемены столь явно выступают функцией возраста. Так, *сближение со странами Запада* все без исключения возрастные группы считают скорее полезным, чем вредным. Соответственно суждение о том, что «Россия должна как можно скорее включаться в мировую экономику, науку, культуру», не встречает сколько-нибудь серьезного противодействия ни в каком возрасте. Здесь перед нами некие универсалии – или, скажем, общие места – современного общественного мнения. А поскольку общие места не требуют доказательств и не подлежат обсуждению, они преспокойно уживаются с декларациями прямо противоположной направленности. Скажем, мнение о том, что «Запад стремится превратить Россию в колонию», вызывает не слишком сильное возражение большинства (43:41) только в возрастной группе 25–30 лет, в других группах зна-

чительно (3:1, 4:1) преобладает согласие.

Память и забвение

Известно, что социальная память организована избирательно, люди запоминают или забывают определенные события в соответствии со своими впечатлениями и интересами. Анализ имеющихся данных показывает, что живая (опирающаяся на личный опыт) память о деятелях перестройки локализована преимущественно в довольно узком поколенческом слое. Наибольшая доля содержательных ответов (т. е. минимум затруднившихся ответить) относительно роли Е. Гайдара в годы перестройки приходится на возрастную группу 60–64 года (84 %), М. Горбачева – 50–54 года (92 %), Б. Ельцина – 50–54 года (96 %), Г. Попова – 60–69 лет (51 %), А. Сахарова – 55–59 лет (84 %), А. Яковлева – 55–59 лет (51 %), Ю. Афанасьева – 60–64 года (28 %).

(У последнего, правда, видимо в связи с его деятельностью в молодежной среде, имеются еще два совершенно аналогичных по высоте «пика» известности – среди лиц 25–29 лет и 45–49 лет.) Причем в каждом из этих случаев «пиковая» группа довольно отчетливо отделена от окружающих. Так, роль Горбачева затрудняются оценить 22 % в 45–49 лет, 8 % в 50–54 года, 13 % в 55–59 лет; для Ельцина соответствующий ряд – 26, 4 и 12 %, для Сахарова – 44, 16 и 32 %.

Таким образом, *политических* лидеров перестройки боль-

ше всего запомнили те, кому сейчас немного за 50, *интеллектуальных* лидеров – люди на 5-10 лет постарше. Для более молодых память об этих временах уже вторична, опосредована позднейшим опытом и средствами массовой информации. (Знак оценки деятелей в данном случае не рассматривается.) «Ось» живой памяти перестройки проходит примерно на рубеже 50–60 лет.

Сопоставим с этим некоторые другие линии социальной памяти. Октябрь 1917-го – событие весьма значимое для всех поколений, но более половины отмечают его важность только среди молодежи до 20 лет («школьная» память), в 35–45 лет и во всех группах старше 60 лет. Победу 1945 года чаще всего (более 80 %) вспоминают после 65 лет, т. е. в собственно ветеранском поколении, сталинский террор – в 65–69 лет, коллективизацию – те, кто старше 70, XX съезд КПСС – в 70–74 года (кстати, в те же годы относительно чаще вспоминают и путч 1991 года). Чернобыль значительно интенсивнее вспоминают респонденты до 40 лет. События октября 1993 года более всего привлекают внимание двух групп: 20–29 и 50–59 лет.

Явное ограничение социальной памяти рамками личного опыта различных поколений – характерная черта нынешнего состояния общественного сознания, почти лишенного идеологических, хрестоматийных (школьных), традиционных или каких-либо иных общезначимых символов и стереотипов восприятия собственного прошлого.

Два «разочарованных» поколения

Все возрасты согласны с тем, что за последние годы в стране «произошли большие изменения». Здесь даже трудно нащупать отличия между старшими и младшими. Но вот мнения разочарованных («недавно казалось, что жизнь изменилась, но теперь я вижу, что все идет по-старому») сконцентрированы в двух группах, которые в этом отношении выделяются на общем фоне достаточно четко.

Это, во-первых, 60-летние (60–69 лет). Здесь разочарованных 21–23 % (при средней по населению доле 16 % и 7–18 % – в соседних по возрасту группах). И, во-вторых, «ранние» 40-летние (40–44 года). Здесь доля разочарованных тоже 23 % (при «соседних» 11–13 %).

По сути дела, эти группы представляют два ключевых поколения нынешнего общества, каждое из которых имеет свою судьбу и функцию в жизни. И разочарованы в переменах они, видимо, тоже по-разному, 60-летние, как видно, в частности, из приведенных данных, отягощены социальной памятью больше, чем какое-либо иное поколение. Более того, при отсутствии общепризнанных нормативных рамок исторического восприятия именно данная группа, в личном опыте которой соединяются времена террора и «стройки века», годы войны и повороты XX съезда, перестройка и путч, реформы и «Афган», оказывается средством связи времен

и поколений. В известном смысле – это *осевое поколение* сегодняшнего общества, правда неоднородное и неоднозначное. Именно к этому поколению принадлежат «шестидесятники», люди протеста и надежд 60-х годов, те, кто с наибольшей готовностью поддержал иллюзии перестройки и потому больше других был потрясены их провалом. Но в то же время (и в подавляющем большинстве, разумеется) – это последнее поколение «сталинской» закалки со своим, державным пониманием войны, победы и всего последующего. Поэтому «переломы» на рубеже 60-летия, о которых говорилось ранее, содержат две компоненты – разочарование в иллюзиях и «просто» сопротивление вполне определенного прошлого.

Это поколение – самое «политизированное» в нынешнем обществе. Людей, которые «в большой степени» интересуются политикой, чаще всего можно встретить среди возрастных групп от 55 до 75 лет. Мнение о том, что положение в России могут спасти «политики», чаще других разделяют в 65–74 года. (Конечно, здесь налицо не практическое участие в политической жизни, а лишь политизированная идеология.) «Среднюю» степень интереса обнаруживают с наибольшей очевидностью в 40–54 года.

«В малой степени» интересуются политикой преимущественно до 40 лет.

Примечательно, что разочарование в общественных переменах для 60-летних (в отличие от 40-летних) мало связано с переживанием собственных неудач. Из тех, кто считает,

что в стране все оказалось «по-старому», только 37 % в этом возрасте аналогичным образом оценивают перемены в личной жизни. Кстати, вопреки столь распространенным «экономическим» объяснениям, никак не удастся напрямую связать скепсис пожилых с их экономическим положением. По опросным данным, именно на возраст 60–74 года приходится максимум (71–80 %) лиц со средним душевым доходом.

Иначе обстоят дела с поколением 40-летних. Прежде всего стоит отметить, что у этой группы доля разочарованных переменами в стране почти точно соответствует доле разочаровавшихся изменениями в личной жизни (по 23 %). Видимо, здесь надежды на перемены в обществе были тесно связаны с личными планами: из полагающих, что в стране все остается по-старому, примерно 70 % ту же оценку ситуации относят к собственным делам.

40 лет, согласно многочисленным данным, оказываются временем самого трудного жизненного перелома. Для возраста 40–44 года оценка собственного положения формулой «терпеть... уже невозможно» достигает максимума (59 % на март 1995 года). На 35–39 лет приходится наибольшая доля (31 %) лиц с низким душевым доходом. Если 58 % респондентов в 35–39 лет утверждают, что жизнь их «по большей части» или «совершенно» не устраивает, то сразу же после 40 лет доля таких ответов поднимается до 76 %.

Наконец, обратимся к возрастной разбивке ответов о том, как люди «устраивают свою жизнь в переходное время» (но-

ябрь 1994 года). Наибольшая частота ответов типа «не могу приспособиться», а также «ничего не изменилось» приходится на старшие возрасты (после 65 лет). «Пик» успеха («удается использовать новые возможности, начать серьезное дело, добиться большего в жизни») – это 20–30 лет; высота «пики», правда, всего 12–13 % от численности группы. А у 40-летних – максимум варианта «приходится вертеться, подрабатывать, браться за любое дело, лишь бы обеспечить себе и детям терпимую жизнь». Так отвечают более 40 % в этой группе (при средней по населению доле 30 %).

Между тем ведь 40-летние, как правило, имеют почти взрослых детей, устойчивый (точнее даже, «потолочный») профессиональный и социальный статус и т. д. Судя по приведенным выше данным, на них действуют материальные трудности, психологически «накопленные» ранее, в возрасте «молодых родителей». Происходит, видимо, второй кризис идентификации, связанный с взрослением семейных отношений и отсутствием социально-карьерной перспективы.

Все это относится к циклическим переменным определенного возраста. Нециклическая, поколенческая компонента кризисного мироощущения *современных* 40-летних связана, по всей видимости, с их аномальным положением в ряду трансформаций, происходящих в обществе. Можно представить себе, что при нормальном (только воображаемом, конечно) ходе вещей именно 40-летние должны были стать первым практическим «поколением перестройки», ко-

торое без оглядки назад, без идеологических иллюзий двигалось бы по новым путям. Этого не произошло. Знамена (а вместе с ними иллюзии и самообманы) перестройки оказались в руках представителей предыдущего поколения, которое не могло реализовать свой потенциал ранее и которое не умело смотреть вперед, не оглядываясь назад, по крайней мере, не делая вид, что оно заботится о «возвращении к истокам» – к «подлинному духу» революции, ленинизма, социалистического гуманизма и т. д. Отсюда, в частности, аполитичность средних и младших поколений на всем протяжении десятилетия, а потому и отсутствие реальной массовой опоры у всех попыток реформ.

Амбиции 40-летних оказались слишком узкими, слишком практичными, а потому и были обречены на неудачу. Поколение не получило ведущих позиций ни в политике, ни в экономике, не вкусило плодов рыночной реформы, но зато получило все тяготы хаоса пореформенного периода.

До общего кризиса доверия к власти, примерно до весны 1994 года, поколение 40-летних еще поддерживало линию реформ, с середины же этого года поддержка сменилась заявленным недоверием. Это означало конец «реформистского» большинства в обществе. (Не следует, однако, смешивать заявленные или декларируемые оценки с практическими установками: де-факто это поколение смиряется с реформами и ищет способа адаптироваться к ним.)

Если поколению 40-летних суждено было остаться проме-

жуточным, обреченным на трудности и разочарования, лишенным общественного успеха и возможности политического участия, то поколением «новой жизни» может оказаться лишь следующее, условно говоря, «двадцатилетнее» (на деле это молодые люди примерно 20–30 лет). Они оптимистичнее всех смотрят на жизнь (лишь порядка 20 % считают, что «терпеть невозможно»), они умеют зарабатывать (наибольшая доля лиц с высоким доходом – 30 % – приходилась в марте 1995 года на возраст 20–24 года), им лучше всех удастся «использовать новые возможности». Они более всех готовы начать собственное дело и открыты миру, мировым связям и опыту. Кстати, они выше всех оценивают перестройку, а самые молодые (до 20 лет) признают в общем положительную роль Горбачева в перестройке. И только эти самые молодые в большинстве чувствуют себя свободными людьми.

Имеем ли мы здесь дело только с возрастным явлением (иллюзии, увлечения молодости) или с феноменом поколенческим, с новым типом интересов и действий? При всей неизбежной осторожности суждений нельзя не видеть, что новейшее поколение вынуждено использовать условия и возможности, которых ранее просто не существовало. Простого «цикла» возрастных увлечений-разочарований уже поэтому не может быть.

Имена и символы: связка «Горбачев – Сахаров»

В суждениях о людях перестройки, отложившихся в массовом сознании, нет более странного и более значимого сочетания двух имен. Все ипостаси Горбачева в его запутанных отношениях со своим ближайшим партийным окружением, которые занимали внимание общества пять лет назад («Горбачев – Лигачев» и т. д.), прочно забыты и оставлены кропотливым архивистам. Сравнительные оценки роли Ельцина или Гайдара настолько подчинены злобе последующих лет, что утратили всякую связь с событиями собственно перестроечных времен.

Фактологическая канва оценок имен Горбачева и Сахарова достаточно проста.

Во всех выделенных возрастных группах, за исключением, как отмечалось выше, самой молодой (до 20 лет), роль Горбачева в годы начатой им перестройки получает преимущественно негативные характеристики (рис. 4). Причем самые жесткие – от 60-летних.

Напротив, роль Сахарова в эти годы оценивается в высшей степени положительно всеми без исключения возрастами. Наибольшая степень негативных оценок (11 %) наблюдается в группе 65–69 лет, в группе 40-летних доля критиков поднимается до 6 % (рис. 5). Можно отметить два пи-

ка наиболее позитивных оценок («значительная положительная роль») – в группах до 45 лет и 55~59 лет: очевидно, в первом случае это молодежная романтическая легенда и какая-то память политического участия – во втором. (Выше уже отмечалось особое место политической памяти именно в группе «поздних» 50-летних.)

Рисунок 4.

Роль М. Горбачева в годы перестройки

(Март 1995 года, N=1980 человек, % от числа опрошенных)

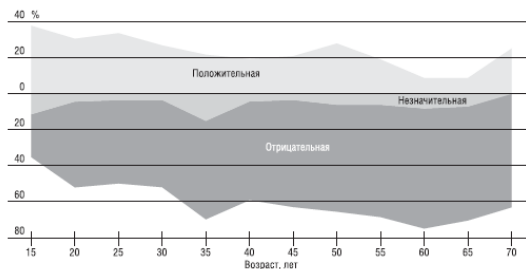
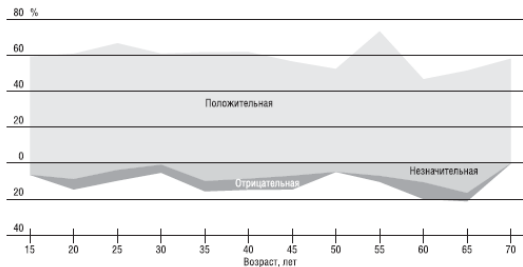

Рисунок 5.

Роль А. Сахарова в годы перестройки

(Март 1995 года, N=1980 человек, % от числа опрошенных)

В целом эти ряды довольно близки оценкам, полученным несколько ранее в ходе другого опроса (ноябрь 1994 года), когда речь шла о роли различных известных деятелей в мировой истории. Правда, в таком контексте роль Горбачева негативно оценивают преимущественно в группах старше 30 лет.

Сложнее и содержательнее качественная сторона – смысл оценок. Оба ряда оценок (как Горбачева, так и Сахарова), во-первых, сформированы, так сказать, задним числом, а не в годы «перестроечной», как говорили еще недавно, деятельности. Во-вторых, обе эти оценки фактически совершенно некорректны: и в отношении роли Горбачева, и в отношении роли Сахарова. Сахаров настойчиво – хотя, в общем, безуспешно – стремился придать акциям тех лет цивилизованный и разумный характер, но никогда не был лидером или двигателем перемен. В-третьих, универсальная распространенность и устойчивость однотипных оценок говорит об их неспецифичности: они никак не связаны с особенностями

ми позиций, намерений, действий определенных направлений или групп в обществе. Недостаточно, однако, было бы сослаться на упоминавшиеся выше «общие места» массового сознания. Дело в том, что оба ряда оценок, вместе взятые, образуют, как кажется, некий цельный феномен, исполняющий определенную *мифологическую* функцию в обществе. (О мифе правомерно говорить, поскольку речь идет об определенном образом структурированных и функционально нагруженных рамках движения массового сознания.)

«Горбачевская» легенда в современном общественном сознании исполняет функции мифа о «козле отпущения», на которого свалены все мыслимые общие грехи и напасти. «Сахаровская» легенда – это апелляция к мифологии «ангела-хранителя», который возлагает на себя миссию спасения заблудших душ. Сегодня обе легенды, дополняя друг друга, характеризуют ситуацию очередного общественного тупика. В том числе и межпоколенческого.

Поколения XX века:

возможности исследования

Возможности социологического исследования «поколенческого» среза исторического периода, например XX столетия, могут, по-видимому, разрабатываться в двух планах: во-первых, через изучение особенностей различных возрастных групп, во-вторых, через анализ «структуры» поколений и ее значения.

В отечественных условиях имеющиеся в нашем распоряжении данные опросов общественного мнения позволяют непосредственно представить распределение позиций возрастных групп на протяжении примерно одного десятилетия, с конца 80-х годов. Представительство различных возрастных групп в наличном населении, а значит, и в любой выборочной совокупности, неравнозначно: на поколенческую («историческую») структуру населения наложена современная («возрастная»), разделить их можно лишь гипотетически. Кроме того, установки и оценки нынешних пожилых людей, которые могут рассматриваться как представители поколений, доминировавших в определенный период, претерпели несомненные изменения, возможно, в разных направлениях.

Поэтому непосредственные данные изучения возрастных срезов общественного мнения заведомо ограничены и могут

быть поняты лишь через призму соответствующих аналитических допущений.

(В данном случае возможности использования других эмпирических источников – мемуаров, личных и литературных документов и др. – для изучения динамики поколений не рассматриваются.) Аналогичные соображения можно отнести и к способам анализа различных аспектов «структуры» (динамической структуры) поколений – роли значимых общественных и элитарных групп, символических ресурсов и пр.

«Плавный» переход от одного поколения к другому можно представить только в традиционном обществе, где он совершается в рамках семьи. Социально-политическая история, тем более современная, пост-традиционная, насыщенная поворотами, потрясениями, массовыми надеждами, разочарованиями и комплексами, являет феномены «ключевых» поколений, задающих «тон» (ориентации, символы) на относительно долгий период, «разрывов» между поколениями (в установках и оценках), конфликтов между поколениями «отцов и детей» и т. п. Сама проблема поколений в различных измерениях возникает только в условиях поколенческих разрывов и кризисов.

Социальное значение поколения не может измеряться опытом или настроениями «большинства», «массы», репрезентируемой в опросах общественного мнения. Ретроспективный пример: если представить, что в первой половине

XIX века в России существовали бы массовые опросы, в них не были бы заметны ни «поколение 1812 года», ни «лицейское поколение». Ведь в обоих случаях речь идет об элитарных группах, небольших по численности, но сыгравших огромную роль в культурной и политической истории страны. Собственно говоря, в социологическом анализе исторического процесса мы всегда имеем дело не с «демографическим» поколением (совокупностью людей одного возраста), а с определенными значимыми «поколенческими» группами или структурами (последнее понятие охватывает также механизмы и нормы взаимодействия между людьми)⁵.

Как можно полагать, в рамках определенного «крупного» периода (длиной, скажем, в столетие, т. е. в три «зримых» человеческих поколения, – более крупные масштабы социально неощутимы) выделяются поколения, формирующие определенные значимые образцы или рамки поведения, мысли, соответствующий набор символов и прочее – *значимые поколения*. При этом в одних и тех же рамках возможны, разумеется, разные направления действия. Поколенческие образцы формируются *значимыми группами*, которые могут быть массовыми (в ситуации массовых войн) или элитарными.

⁵ Несколько лет назад я попытался представить позиции различных поколений российского общества в процессах перемен (см. статью «Три „поколения перестройки“» в настоящей книге). Некоторые положения этой статьи сейчас кажутся неоправданно упрощенными, в частности характеристики элитарного поведения отнесены к целым поколениям.

Разнозначность поколенческих групп – один из инструментов «пульсации» исторического процесса.

Поколенческий ряд XX века

Для социологического анализа сменяющих друг друга поколений важными представляются прежде всего временные рамки формирования (социализации) определенных возрастных групп, которые приходятся на особо значимые, переломные периоды. В российском XX веке таких периодов – и соответственно «значимых» поколений – можно насчитать *шесть*:

1) «Революционный перелом», условно 1905–1930 годы, включающий события войн, революций, Серебряного века российской культуры и периода его преодоления. В эти бурные годы сформировались все идейные и политические направления, все идеологемы и фантазии, противостоявшие друг другу на общественной сцене; в то же время сама эта сцена – территория кровавого фанатизма, подогретого мировым конфликтом, – принципиально отличалась от общественной обстановки XIX века со всеми его катаклизмами. Активные участники (и жертвы) переломного периода – люди, родившиеся примерно в 90-х годах IX века. В выборочной совокупности современных массовых исследований они не представлены.

2) «Сталинская» мобилизационная система 1930–1941

годов, формирование монолитного тоталитарного общества. Условия формирования – раскрестьянивание, урбанизация, массовый террор, массовое образование, принудительное единообразие и единомыслие и т. д.

В этот период политически или физически ликвидированы все стороны противоборств предыдущей, переломной эпохи. Основные действующие лица периода родились около 1910 года. В нынешнем взрослом населении России эта группа составляет около 4 %.

3) Военный и непосредственно следующий за ним послевоенный период 1941–1953 годов доводит тенденции предшествующей эпохи до крайних, экстремальных форм, поскольку встал вопрос о выживании тоталитарного режима в противостоянии с внешним аналогом, а также в вынужденном сотрудничестве с демократическими союзниками. В послевоенные годы это противостояние продолжено созданием идейно-политических основ холодной войны («материальная» сторона соперничества, т. е. гонка новейших вооружений, приобрела значение позже, в следующую эпоху). Политические «чистки» приобрели характер военно-полицейских кампаний (высылки целых народов и т. п.), жертвами истребительной «идеологической борьбы» стали уже не «классовые враги», а «свои», безропотно принявшие режим и воспитанные им, но заподозренные в каких-то чуждых влияниях. Существенную роль в развитии политической ситуации в стране играла скрытая борьба за наследие стареюще-

го диктатора. Активные участники событий эпохи – люди 1920–1928 годов рождения, сейчас это около 7 % взрослого населения.

4) «Оттепель» 1953–1964 годов. (Такое словоупотребление утвердилось в последнее время. В более строгом смысле «оттепельными» считались первые годы сдержанной либерализации режима – с 1953 года до начала 1956-го, когда скрытая конкуренция между партийными лидерами понуждала их выступать в качестве реформаторов. После XX съезда КПСС шумные обличения «культа» Сталина постоянно сопровождалась попытками «подморозить» общественную атмосферу, чтобы не допустить дискредитации партии и режима.) Формируется первое в советской истории поколение (точнее, значимая поколенческая группа), свободное от массового страха и надеющееся на гуманизацию социализма. Характер и потолок устремлений этой группы вполне укладываются в позднейшую пражскую формулу «социализма с человеческим лицом». По преимуществу это люди, не захваченные войной, т. е. родившиеся в конце 20-х – начале 40-х (условно в 1929–1943 годах). Сейчас они составляют 21 % взрослого населения.

5) Самый длительный период отечественного XX века – «застой» 1964–1985 годов, долго казавшаяся удачной попытка стабилизировать партийно-советский режим при отказе от массовых репрессий и реформ. Впервые в советской истории формируются ориентации массового потребитель-

ства, массовой и «верхушечной» коррупции. Поколенческая группа «несбывшихся надежд» начала 60-х превращается в группу «протеста» второй половины десятилетия – создается «поколение „шестидесятников"». Если надежды периода оттепели возлагались преимущественно на реформистские возможности партийного руководства (Н. Хрущева), то протестные ориентации находили выражение и в самостоятельных действиях разных типов и направлений – либеральных и диссидентских, демократических и почвеннических, национальных, религиозных и т. д. «Собственное» поколение застоя – родившиеся с середины 40-х до конца 60-х (1944–1968). Численно это самая крупная группа в сегодняшней России – 39 % ее взрослого населения.

б) В годы перестройки и «реформ» (1985–1999 годы) в активную жизнь вошло новое поколение, не знавшее переломов и исканий, – родившиеся в конце 60-х (примерно с 1969 года). Это сейчас 28 % взрослого населения страны.

Предложенная схема заведомо ограничена и условна. Временные рамки поколенческих групп можно определять иначе, например, принимая во внимание «переломные» группы (о них несколько позже). Используемые в данной статье определения поколенческих групп предполагают взгляд на общество как бы «сверху», со стороны элит, формирующих значения событий и периодов. Понятно, что смена поколенческих типов в наиболее массовых, «низовых» группах городских и сельских жителей детерминруется други-

ми факторами и имеет иную хронологию, лишь отчасти совпадающую с элитарной (например, в точке «войны»). Эпохи «массовой» жизни определяются такими феноменами, как война, голод, коллективизация, паспортная система, переселение в города, введение и отмена распределения товаров по карточкам, массовое жилищное строительство, автомобилизация, развитие потребления в бездефицитных условиях, дефолт 1998 года и т. п.

Показатели положения и позиций «поколенческих» групп

Обратимся к данным опросов последнего времени, позволяющим судить об установках и ценностях ряда поколений.

Повторю, что на рисунке I представлены возрастные группы *современного* населения, их соотнесение с определенными поколениями истории XX века носит условный характер. Для наглядности соотнесены графики изменения разных величин – годы, рубли, балльные оценки статусов.

Как видно на рисунке I, самые молодые имеют относительно более высокие заработки (сказывается способность активно приспособливаться) и более высокий, по собственным оценкам, социальный статус (видимо, статусные ожидания).

Рисунок 1.

Положение поколенческих групп

(Июль 2001 года, N = 2400 человек)

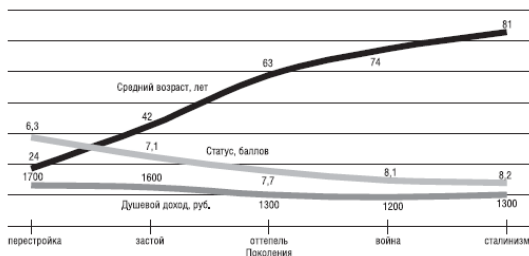
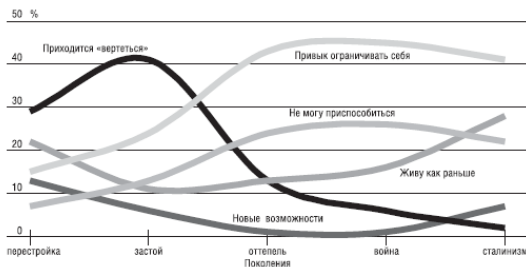

Рисунок 2.

Как люди устраивают свою жизнь

(Июль 2001 года, N = 2400 человек, % от числа опрошенных)

Сколько-нибудь активное отношение к жизни свойственно только двум наиболее молодым поколениям (охватывающим, правда, почти все работающее население), причем «по-

вышающая» активность («новые возможности») почти полностью сосредоточена в одной, «перестроечной» поколенческой группе. Чаще всего приходится «вертеться», подрабатывать и т. д. (понижающая адаптация) «детям застоя», сформировавшимся в годы стабилизационной стагнации. Для «детей оттепели» и более старших поколенческих групп наиболее характерные позиции – «привык ограничивать себя» (около половины опрошенных) и «не могу приспособиться» (около четверти). Представляет интерес возрастная динамика позиции «живу как раньше»: здесь максимальные (и довольно близкие – 22 % и 27 %) значения наблюдаются в самых молодых и самых старших группах. У первых все только начинается, нет базы для сравнений. Среди самых старших более четверти не видят изменений в своем положении – это пенсионеры, домохозяйки, среднеобеспеченные.

Социальные установки «поколенческих» групп

Обратимся теперь к ценностям, которых придерживаются люди, принадлежащие к различным «поколенческим» группам.

Бросается в глаза параллельность изменений двух показателей социальных установок: распространенности представлений о том, что «лучше было бы, чтобы все в стране осталось как до 1985 года» и что в годы правления Сталина

было «больше хорошего, чем плохого». Притом что сами эти показатели для всех поколений, кроме самого старшего, существенно различны. В обеих кривых можно отметить два перелома: в период «оттепели» и в период войны. Представление о том, что «коммунистическая партия дискредитировала себя», разделяет примерно половина самых молодых, для военного поколения эта величина уменьшается до одной трети, но в собственно «сталинском» поколении вновь возрастает почти до половины (последнее, видимо, связано с непосредственным восприятием репрессий старшей группой и пр.). Установка на продолжение экономических (рыночных) реформ, преобладающая у двух младших поколений, вдвое реже встречается во всех других группах, начиная с «оттепельной».

Рисунок 3.

Социальные установки поколений

(1999, N = 2000 человек, % от числа опрошенных)

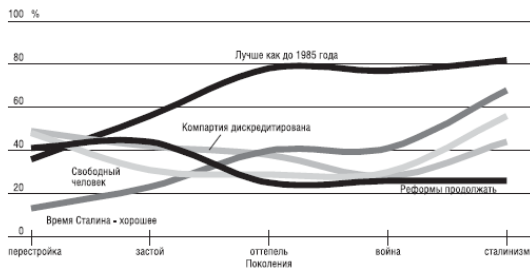
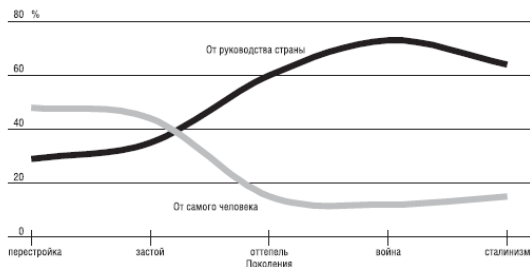

Рисунок 4.

«От чего зависит благосостояние человека?»
(2000, N = 2400 человек, % от числа опрошенных)

Наконец, позитивный ответ на вопрос «Считаете ли вы себя свободным человеком?» чаще всего дают самые молодые и самые пожилые; в первом случае это связано с большими возможностями, во втором, скорее всего, с ограниченными запросами.

На рисунке 4 представлено как будто примитивное, но довольно показательное выражение принципиальных социальных установок, дифференцирующих возрастные группы. Доминирующая в активных поколениях демонстративная установка на собственные силы («благосостояние зависит от самого человека») – важная черта, отделяющая эти группы от старших поколений, примета своего рода «разгосударствления» человека.

Как видно на рисунке 5, значимость таких категорий, как долг (по меньшей мере декларативно), заметна больше у

«старых» групп по сравнению с «молодыми». Напротив, ориентация на потребительские («радости жизни») и достигательные (доход, стремление жить лучше других) ценности гораздо сильнее выражена у молодых поколений. В то же время у молодых меньше всего интереса к политической активности...

Вот как люди в различных «поколенческих» группах оценивают периоды отечественной истории XX века.

Рисунок 5.

Ценностные ориентации поколений. «Считаете ли очень важным...»

(1999, N = 2400 человек, % от числа опрошенных)

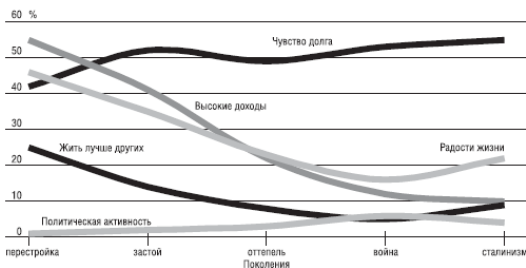
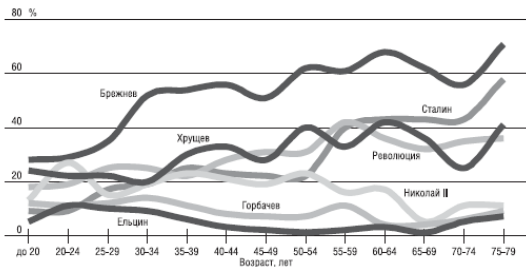

Рисунок 6.

Оценки периодов истории от Николая II до Ельцина («Время... принесло больше хорошего»)

(1999, N = 2000 человек, % от числа опрошенных)

Еще раз стоит отметить, что самые молодые группы населения минимально интересуются не только политикой, но и историей страны. Однако и у них – как и у всех – буквально кумиром, носителем наибольших «наград» общественного мнения остается застойная, брежневская эпоха. А поскольку нынешние младшие поколения практически не знают этой эпохи, то перед нами весьма любопытный феномен формирования и массового действия легенды об историческом периоде (заставляющий думать о том, что каждая эпоха имеет «свою» легенду о золотом веке – ту, которую она заслуживает). Конечно, массовые представления об эпохе сталинизма тоже опираются на легенду, на своего рода социально-политическую мифологию (собственное восприятие этого периода сохранилось у немногих), но это легенда иного рода, окрашенная и даже сформированная партийно-политическими симпатиями и антипатиями людей.

Как видно на рисунке 6, весьма низко оцениваются всеми без исключения поколенческими группами времена пе-

ремен. На первый взгляд кажутся несколько странными более высокие оценки «демократических» вариантов в старших поколенческих группах. Ключ к объяснению, по-видимому, можно найти при более детальном рассмотрении возрастной динамики партийно-политических симпатий.

Динамика «крайних» партийных ориентаций

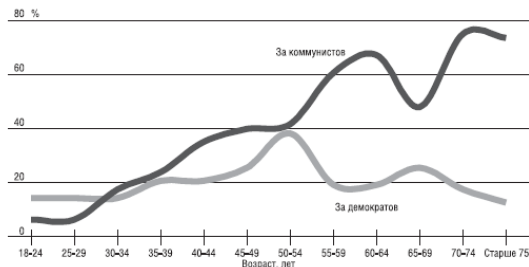
Отметим некоторые возрастные особенности партийных электоратов. Для удобства в данном случае учитываются только крайние позиции – поддержка коммунистов (КПРФ) и демократов («Яблоко» и СПС); симпатии к центристам, или «партии власти», не принимаются во внимание.

На рисунке 7 бросается в глаза, что симпатии к обоим крайним политическим позициям наиболее заметны у старших поколений, молодые почти одинаково безразличны к тем и другим. Здесь мы опять видим, что наибольшая поддержка демократических сил наблюдается не у молодых, как можно было бы ожидать, а у старших, примерно пятидесяти- и шестидесятилетних, т. е. в поколенческой группе, к которой относятся «младшие» (или «поздние») «шестидесятники», наиболее молодые и активные представители этой поколенческой группы.

Рисунок 7.

Партийные симпатии поколений (намерения голосовать на ближайших выборах)

(1999, N = 2400 человек, % от числа опрошенных)

Напрашивается вывод: противостояние коммунистов и демократов, составлявшее ось политической борьбы (по крайней мере, демонстративной) в прошедшее десятилетие, теряет свое значение. Демократы «перестроечного» призыва, во многом прямые наследники традиций «шестидесятников», свою историческую миссию выполнили (насколько удачно – другой вопрос). Чтобы сегодня привыкать к рыночной системе или парламентскому разноречью (впрочем, довольно ограниченному), не нужно записываться в демократы, достаточно просто соблюдать лояльность по отношению к президентской власти. «Новых» же демократов, способных предложить свои способы решения современных проблем страны, не видно. Аналогичные соображения можно применить и к коммунистам: это все еще крупная общественная сила, но сила прошлого, влияющая по традиции на пожилых

людей и неспособная привлечь своими идеями и методами молодые поколения.

Поучительной представляется возрастная динамика отношения к сталинизму. Как видно на рисунке 6, позитивные оценки сталинского периода плавно растут с возрастом и несколько снижаются в самых старших группах. По всей видимости, «плавный рост» (кстати, параллельный линии оценок правления Брежнева) в данном случае означает рост интереса. А снижение, как уже говорилось выше, – результат того, что в суммарные оценки вмещивается доля осуждения у старших, т. е. непосредственно затронутых репрессиями или военными неудачами. Это еще раз показывает, что разоблачение сталинизма осталось событием лишь для заинтересованного поколения и не стало катарсисом (по крайней мере, в осознанном виде) для всего общества. Отсюда и явное отсутствие общественного иммунитета по отношению к рецидивам абсолютизма.

«Переломные» поколения

В известной книге У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» было введено понятие «дважды рожденных» (twice-born) личностей. Речь шла о людях, которые в зрелом возрасте обращаются к какой-то новой системе мировосприятия, к иной вере, т. е. как бы заново переживают процесс социализации или аккультурации. Нечто подоб-

ное можно усмотреть у поколенческих групп, переживающих общественный перелом как переоценку собственных ценностей. (Другие группы могут переживать тот же перелом иначе, например как переход от согласия к оппозиции по отношению к доминирующей системе ценностей.)

В российском XX веке таких переломов было два: после 1917 года и в конце 60-х. В первом случае речь шла о принятии победившей системы, во втором – о расхождении (в предельных случаях – о разрыве) с ней. Продуктом первого перелома явилась «советизированная» интеллигенция, второго – «шестидесятники».

Как уже отмечалось, последняя поколенческая группа (по выражению А. Вознесенского, «дети XX съезда»), привлекавшая значительное внимание при изучении процессов последних десятилетий, начала сознавать себя в надеждах «оттепельных» лет, прошла закалку в «заморозках», наступивших после 1956-го и в особенности после 1964 года, создала идею демократической альтернативы режиму и определенные ростки демократической и либеральной оппозиции. В этом, как сейчас можно судить, и состояла историческая функция, как бы миссия, «шестидесятников». Дальнейшая судьба этой группы противоречива и в конечном счете трагична. Иллюзия причастности к власти, возникшая в начале перестройки, сменилась разочарованием в результатах перемен начала 90-х и едва ли не отчаянием к концу десятилетия.

В значительной мере такая смена социальных настроений

связана с отмеченной выше переоценкой роли демократических сил в общественных процессах.

Роль «военного» поколения во второй половине XX века нередко служит предметом дискуссий. (Значимой группой для этого поколения, скорее всего, можно считать тех, кто прошел фронт в звании младших офицеров⁶; ср. прижившийся термин «лейтенантская проза».) С одной стороны, тотальная война упрощает и огрубляет все категории мировосприятия до противопоставления «своих» «врагам», утверждает права беспощадного насилия, неизбежность массовых жертв, постольку служит идеальной питательной почвой для тоталитарной идеологии с ее принудительным единомыслием, культом «вождя» и т. п. Несомненным социально-политическим итогом войны 1941–1945 годов стало укрепление сталинского тоталитаризма и его воздействия на людей. Но у многих из «военной» поколенческой группы, прошедших школу ответственности, столкнувшихся с необходимостью практической проверки указаний «сверху», возникали сомнения в этих указаниях и самостоятельные мысли. В дальнейшем часть ее представителей примкнула к более молодым «шестидесятникам».

⁶ Устное замечание В. Данилова.

«Закрытые» и «открытые» поколенческие группы

Представленные выше данные и соображения относятся к социетальным, значимым для всего общества, группам. По-видимому, правомерно говорить о поколениях и механизмах их динамики и применительно к более узким и специфическим группам, действующим в профессиональных или кастово-замкнутых средах.

Очевидно, что это относится к военной, бюрократической, академической и другим элитарным средам. Поскольку в них не существует постоянного механизма обновления персонала (ведущего, лидирующего), ротация кадров происходит импульсами, как бы от поколения к поколению. Длительность поколенческого периода может при этом определяться возможностями физического выживания или какими-либо внешними событиями. Например, в замкнутой профессионально-военной среде смена ведущих кадров соответствует последовательности доминировавших в ближайшем прошлом конфликтов. В советские и последующие годы сменявшие друг друга поколения военного руководства составляли последовательно командиры Гражданской, Отечественной, афганской и чеченской (в настоящий момент) войн. (В этом находит свое подтверждение известный тезис о том, что армия всегда готовится к прошлой войне.)

«Поколенческая» ротация руководящих групп всегда была характерна для научных, «творческих» и других организаций советского образца с их закрытыми, несменяемыми элитами. Ротация кадров в таких группах неизбежно оказывается конфликтной, связанной с интригами и коррумпивными механизмами. Пример другого типа организации – бизнес-элиты, состав которых определяется критериями эффективности и конкуренции; здесь неизбежна быстрая смена состава (поэтому, в частности, сейчас это самая молодая из существующих элитарных групп, где крупным руководителям может быть до 30 лет).

К типу закрытых поколенческих групп очевидно относилась и высшая (властвующая) бюрократия советского периода. Непременным условием смены правящих верхушек являлся доведенный до демонстративного предела «поколенческий» конфликт: каждая новая приходящая к власти группа декларировала принципиальный разрыв с наследием предыдущей, обвиняя ее во всевозможных грехах. Под эту «музыку» последовательно приходили к власти все без исключения правящие группы с 1917 года до 1999-го. Демонстративное отрицание предшественников служило средством самоутверждения для каждого нового поколения лидеров и практически не связывалось с изменениями и преемственностью в средствах или стиле правления. В этом одна из роковых слабостей системы, неспособной к нормальному воспроизводству со сменой действующих поколений.

Поколения перемен и поколения стабилизации

Существует принципиальная разница между относительной стабилизацией политических или экономических структур общества и стабилизацией на «человеческом» уровне. К последнему относится и стабилизация «поколенческого» механизма, т. е. обеспечение регулярной, бесконфликтной смены действующих лиц на социальной сцене. В некоем идеале стабильность или нормальность функционирования этого механизма исключает саму проблему поколений как в обществе, так и в отдельных его структурах. Минувшее XX столетие отечественной истории знало периоды относительной общественной стабильности, но ни разу, ни на одном повороте не видело стабильно действующего механизма поколенческой смены и преемственности – ни в дореволюционные, ни в советские, ни в постсоветские годы.

Монархический строй (о котором сегодня демонстративно вздыхают около 10 % опрошенных) весной 1917-го не имел ни защитников, ни реформаторов. Последовавший за ним период бурь и натисков в разных направлениях невоспроизводим и лишен механизма собственного воспроизводства. Самый жесткий за столетие, сталинский, режим, построенный на костях и крови собственных подданных и лидеров, неизбежно оказался катастрофически ломким. Не

мог создать механизмов собственного воспроизводства, в том числе на человеческом уровне, и наиболее длительный в XX веке, захвативший почти два поколенческих цикла период «застоя». Нестабильность режима выражалась, в частности, в том, что «дети» политической элиты не хотели и не могли наследовать стиль своих «отцов».

Как известно, в России социальное время в определенном смысле измеряется и пространством: периоды прошлой истории воплощены в бесконечной российской периферии – в российском пространстве сосуществуют и взаимодействуют социальные типы (структуры, отношения), характерные для самых разных, если не для всех исторических периодов – периодов общины, крепостного права, советской власти и т. п. Это долго позволяло советской системе подпитываться человеческими ресурсами «прошлого образца»: обновлять кадры за счет провинции. Этот механизм отказал лишь в середине 80-х, но «по-крупному» (Горбачев, Ельцин).

Начавшаяся после падения Ельцина эпоха вызвала надежды на стабилизацию собственного положения у разных структур и сил – от ближайшего окружения бывшего президента до местных боссов и «олигархов». Пока эти надежды оправдываются в небольшой мере, и в первую очередь это связано собственно с их ослаблением. (Главным способом удовлетворения любых запросов у нас, как хорошо известно, является снижение уровня этих запросов.) В данном случае нас интересует другая сторона стабилизации: может ли фор-

мирующийся режим обеспечить собственное бесконфликтное воспроизводство при смене своего «человеческого» материала, или он создаст новый вариант социальной стагнации, которая кончится очередным обвалом?

Ответ на этот вопрос придется искать в трех средах – в новом активном поколении, в возможностях нового режима и в изменившемся положении страны в системе мировых связей.

В ближайшие годы наиболее активной поколенческой группой станут люди, вступившие в самостоятельную жизнь в 90-х годах, т. е. родившиеся примерно в 1975–1980 годах. Те, кто свободен не только от «советского» наследия и памяти о нем, но и от переломов, ожиданий и разочарований последних 15 лет, от борьбы за какие бы то ни было социальные цели. Они ничего не выбирали и тем более не завоевывали, им ни к чему не нужно приспособливаться. Они получили в готовом виде политические и экономические «стены» своего «дома» и озабочены лишь тем, как удобнее в нем устроиться. Они в основном привержены существующему «рынку» и ограниченному политическому разнообразию, но не потому, что предпочли их каким-то другим порядкам, а просто потому, что ничего другого не видели. Отсутствует у них восприятие социального прошлого как объекта принятия или отторжения. Это прошлое (прежде всего советское) просто незначимо для них. По сути дела, это первое за столетие поколение прагматиков, лишенных исторической (ин-

ституционализированной) социальной памяти.

В странах с развитой и открытой институциональной структурой преемственность поколений не составляет социально значимой проблемы, поскольку обновление человеческого потенциала происходит постоянно, каждый работник или руководитель, менеджер попадает в сложившуюся систему отношений и норм. Нет поэтому и проблемы «беспамятства» молодых поколений.

Не случайно именно в этой поколенческой группе, группе молодых, прагматичных, ориентированных на успех и благосостояние, относительно сильнее выражена поддержка нынешнего стиля государственного управления, претендующего на сугубую деловитость и свободного от исторических и идеологических ограничений. Но осуществлением собственно властных функций заняты отнюдь не самые молодые: чтобы заслужить поддержку правящей элиты, требуется не только карьерный опыт, но и своего рода экзамен на лояльность, а также на признание роли «старшего» («старшего брата»).

Заметки о «проблеме поколений»

Современный интерес к проблематике и механизму «смены поколений» связан, как представляется (помимо общетеоретических и исторических научных факторов), прежде всего с некоторыми обстоятельствами отечественной истории последних десятилетий. Во-первых, с оценкой роли уходящего поколения «шестидесятников», как будто проложившего путь к современным трансформациям, но, как это чаще всего бывает, не нашедшего в них своего места. А во-вторых, с представлениями о факторах развития страны на ближайшие десятилетия, т. е. с вопросом о том, что несет с собой «племя младое, незнакомое». Эмоциональная окраска дискуссий на эти темы в особых комментариях не нуждается. Настоящие заметки – попытка выделить некоторые моменты перевода проблемы в плоскость социологического анализа.

Само перенесение на общественные процессы понятийного аппарата, характерного для рассмотрения «фамильной» преемственности, приводит к появлению мнимых конструкций – таких, как «смена», «конфликт», «разрыв» поколений. «Временная» организованность общества (система связей, обеспечивающих воспроизводство его основных структур, в том числе нормативно-ценностной, при смене «человеческого материала») обеспечивается в первую очередь системой его социальных институтов. Соответствен-

но, общественно значимые перемены в основном связаны с их трансформациями. «Поколенческая» составляющая перемен сводится к тому, что *одним из их факторов* оказывается деятельность относительно небольших групп молодых людей, ориентирующихся на нетрадиционные (часто внешние) образцы и способных влиять на элитарные слои и атмосферу общественной жизни.

«Разрыв поколений», о котором принято говорить, – это, по существу, ценностный раскол, воплощенный в противостоянии небольшой, но значимой группы доминирующей традиции, системе, строю. Такой раскол становился возможным в определенных обстоятельствах социально-исторического развития. В России он наблюдался дважды: в XIX и XX веках.

Знаменитая «проблема отцов и детей» российского XIX века – и даже шире, отраженные в ней судьбы отечественной интеллигенции – отражает катаклизмы начальных стадий перехода традиционного российского общества на общецивилизационный путь модернизации. А проблема «шестидесятников» следующего, XX века – попытка как-то повлиять на возвращение страны в утраченное цивилизационное русло. При всем различии количественных параметров, в том числе длительности существования обеих групп, они составляли небольшое, статистически незначимое меньшинство и в обществе, и в своих собственных (демографически измеримых) поколениях. Значение деятельности каждой из

этих групп хорошо известно.

Дело, однако, не только в некоторой близости исторических функций упомянутых групп различных веков; имеется и определенное сходство их положения по отношению к доминирующим общественным институтам. В обеих ситуациях «оторвавшиеся» группы противостояли жестко и вертикально организованным институциональным системам. («Вертикально» организованными можно считать общественные системы, опорные структуры которых легитимированы прошлыми, нередко сакрализированными установлениями, нормами, авторитетами, текстами.) Действовала иерархия авторитетов, как бы опрокинутая во времени назад (высшим считается более древний, «исконный»). В таких системах условием социализации, показателем зрелости служила (а в поздние времена считалась) верность традициям, «заветам отцов», принятой догматике и т. д. Отсюда, естественно, неизбежные стремления к закрытости от внешних влияний и постоянная неофобия, боязнь перемен. «Разрыва» поколений в этих условиях не возникало, поскольку действовала жесткая система традиционных институтов социализации и социального контроля; редкие и индивидуальные исключения («казус Гамлета»), если и не были плодом позднейшего литературного воображения, не меняли общей картины.

Дореформенная Россия – почти идеальный пример такого «вертикально» организованного закрытого общества, в

котором дворянство и монархия служили хранителями традиционной косности. Конечно, уже с XVIII века эта закрытость превращалась в фантом, со временем все более лицемерный, но постоянно воспроизводилась до конца XIX века. При этом все попытки в какой-то мере расшатать систему исходили от различных по составу и ориентациям групп людей молодых и хлебнувших какого-то «чужого» воздуха (хотя бы книжного). Отсюда и характерное для тогдашней литературной идеологии представление о «разрыве поколений» («Отец понять его не мог...» и т. д.). В «разрывающей» группе последовательно оказывались молодые люди, принадлежавшие примерно к трем поколениям (Герцена, «шестидесятников» и перелома XIX–XX веков).

Но и советское государство вопреки собственным идеологическим вывескам («молодость мира» и т. п.) строилось как вертикальная структура, постоянно оправдывавшая себя обращением к «заветам основоположников» и непогрешимой доктрине. Всякая инициатива пересмотра «основ» (если, конечно, она не исходила от верховного лидера), равно как и всякая попытка апеллировать к молодым силам (в начале 20-х – безуспешная апелляция Л. Троцкого к революционной молодежи, в 30-х – борьба против «комсомольского авангардизма», в начале 60-х – кампания против «молодежных» уклонений в искусстве, философии и т. д.), представлялась опаснейшей ересью. Молодые поколения, обращения к молодежи, призывы к самопожертвованию в военных условиях,

организации молодежной муштровки и накачки – все было допустимо только при полном подчинении «вертикали» авторитетов. (Небольшой, но показательный пример: в конце 40-х годов А. Фадееву, знаменитому литературному вождю, пришлось переписать уже прославленную «Молодую гвардию», чтобы добавить линию «партийного руководства».)

Поэтому нарождавшийся в расшатанной системе общественный протест (во всех его направлениях – радикальных и осторожных, левых и либеральных, религиозно и национально окрашенных) неизбежно выглядел «разрывом поколений». На деле, как и столетием ранее, речь шла не о противостоянии поколений, а о вызове определенных групп «вертикально» организованной косной общественной системе. Выразителями его оказывались тридцатилетние в 60-х и шестидесятилетие в конце 80-х годов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.